

Содержание

Часть первая. Через край крови и вечного спокойствия.....	7
Вместо предисловия.....	7
Таинственный друг.....	8
Тайна моего гостя.....	12
Борьба за жизнь.....	16
Мое рыболовство	20
Опасный сосед	22
Дерзкий план.....	24
Через Южную Сибирь	28
Три дня над пропастью.....	30
К Саянам, к спасению	36
Стычка на Сейби.....	45
Засады красных партизан	52
В краю извечного мира.....	57
Тайна, чудеса и стычка.....	65
Река Дьявола	72
Ситуация меняется.....	77
Поход призраков	78
В «Краю краев».....	84
Часть вторая. Через край сатаны.....	91
Монголия.....	91
Таинственный лама-мститель.....	98
Дикие чахары	105
Демон Загастая.....	108
Гнездо смерти.....	115
Среди убийц.....	118
На вулкане	122
Кровавые счета.....	128
Тревожные дни	132

Белая банда	141
Перед тронем Владыки Мира	145
Дыхание смерти.....	149
Часть третья. Разбуженная Азия	159
Дорога Чингисхана.....	159
Предвестник смерти.....	174
Езда урга	177
Старый прорицатель.....	184
«Смерть встанет за тобой...»	189
Ужас войны.....	193
В городе Живых Богов.....	199
Потомок крестоносцев и пиратов.....	205
Лагерь мучеников.....	214
Перед ликом Будды	220
Во дворце Живого Бога.....	223
Живой Будда.....	227
Тени давних веков.....	235
Книги о чудесах.....	238
Появление Живого Будды.....	240
Видение Живого Будды 17 мая 1921 года.....	244
Последняя ночь	245
«Человек с головой, похожей на седло».....	248
Владыка Мира.....	251
Великие мистерии Владыки Мира.....	255
Предсказание Владыки Мира в 1890 году	258

Той,
которую я когда-то встретил на берегу «великой,
лазурной, соленой воды», у подножия
красных скал, и для которой сохранил
верную любовь до того дня, когда она стала моей
Элеэр-Баласыр¹,
овеянной легендами древнего Эрдэни-Дзу²,
посвящаю
эту повесть о своем мученическом скитании
через сердце таинственной Азии.

Ант. Оссендовский
Варшава, 1923 г.

¹ Элеэр-Баласыр (прим. пер. по-монгольски) — «жена-колечко» (обручѣнная жена).

² Эрдэни-Дзу (прим. пер.) — буддийский монастырь в Монголии.

Часть первая

Через край крови и вечного спокойствия

Вместо предисловия

Перед большевистской бурей я был вынужден уходить из Петербурга в Сибирь еще в 1918 г. До января 1920 г. я пребывал в Сибири, где власть большевиков сменило правительство адмирала Колчака, погубленного монархистами и бездарными министрами. Это было время после сибирской катастрофы, когда Колчак уже был казнен в Иркутске, когда Пятая Польская Сибирская дивизия была уже в руках вероломных большевиков, заполонивших весь край, без боев продвигавшихся на восток за остатками деморализованной армии Сибирского правительства. В Сибири начали преследовать поляков. Достаточно было иметь фамилию польского звучания, чтобы быть осужденным на смертную казнь. Поэтому мне приходилось думать о более далеком пристанище.

В начале 1920 г. судьба привела меня в Красноярск, город, расположенный на берегах большой и красивой реки Енисей, истоки которой рождаются в горах Урянхая, а устье пропадает в Ледовитом Океане.

С несколькими поляками составили мы план бегства до Урянхая и дальше — до Монголии, Китая, Европы... Но случайности изменили наши замыслы. Мои знакомые были арестованы и умерли от сыпного тифа в тюрьме. Группа большевистских палачей прибыла и за мной, но, не застав дома, устроила засаду.

Я был вовремя предупрежден. Переодевшись в крестьянскую одежду, я пешком выбрался за город, нанял первого встречного сибиряка, возвращающегося домой в деревню, и спустя несколько часов был уже в 40 километрах от Красноярска, в маленькой деревушке, окруженной со всех сторон густой сибирской тайгой. Сюда приятели прислали мне карабин, 300 патронов, топор, нож, полушубок, чай, сухари, соль и котелок. Через несколько дней тот же крестьянин отвез

меня вглубь тайги, где стояла брошенная хозяином изба, наполовину сгоревшая, но еще используемая местными охотниками для ночлегов. С этого дня стал я первобытным человеком, но тогда и подумать не мог, как долго это продлится...

На следующий день после своего прибытия в тайгу вышел я на охоту и в нескольких десятках шагов от таежного зимовья убил двух больших глухарей. Дальше заметил следы оленей (изюбров) и пришел к убеждению, что недостатка пропитания я не почувствую. Однако мое пребывание здесь было внезапно прервано...

Таинственный друг

После нескольких дней охоты я возвращался к своему укрытию и заметил дым, выходящий из трубы. С большой осторожностью подкравшись к дому, я увидел двух оседланых коней, а у седел — солдатские карабины. Я сразу понял, что два невооруженных человека не могут представлять серьезную опасность для меня, обладающего отличным манлихером. Незамеченный обошел избу со стороны той стены, что была без окон, и неожиданно вошел в избу. С лавки в сильном испуге вскочили двое солдат. Это были большевики, потому что на барашковых папахх виднелись красные звездочки, а на груди полушубков — красные грязные кокарды.

После приветствия мы уселись. Солдаты успели уже приготовить чай, и за чаепитием начали мы беседу. Чтобы отвлечь от себя их внимание и подозрение, сообщил им, что я охотник с одной далекой деревни и что поселился здесь, потому что давно имею на примете несколько соболиных гнезд. От большевиков же узнал, что из города был послан в тайгу большой конный отряд, который остановился в 15 км отсюда, а их послали на разведку, не бродят ли по тайге какие-либо подозрительные особы.

— Ты понимаешь, товарищ, — произнес один из солдат, — мы ищем контрреволюционеров и расстреливаем их?!

Но я давно об этом догадался, поэтому не нуждался в выяснении причин их появления здесь. Мои мысли были

направлены на то, чтобы убедить непрошенных гостей, что я обычный сибирский охотник, не имеющий ничего общего с контрреволюцией. Одновременно думал о необходимости немедленного перемещения в другое, более безопасное место после отъезда большевиков.

Спускался вечерний сумрак. Лица моих гостей становились все менее привлекательными. Солдаты вынули из дорожной сумки бутылку спирта и начали пить, закусывая хлебом и прихлебывая горячим чаем. Алкоголь быстро действовал на них, и большевики, размахивая руками и ударяя кулаками по столу, начали громко болтать, похваляясь друг перед другом количеством убитых «буржуев». Громко смеясь, делились они между собой воспоминаниями о «веселых днях» в Красноярске, когда вылавливали ненавистных казаков и спускали их под енисейский лед. Наконец солдаты начали о чем-то спорить, но это быстро их утомило и быстро клонило ко сну.

— Пойду уж коней расседлать и принесу карабины, — произнес более молодой и, потянувшись всем телом, поднялся с лавки.

В этот момент широко открылись двери, ведущие во двор; в избу вторглись густые облака морозного пара, и поток холодного ветра повеял на нас. Когда пар рассеялся, мы увидели в избе высокого широкоплечего мужика в косматой барашковой шапке и в широком полушубке. В руке держал он карабин, а из-за пояса выглядывал острый топор, с которым охотник-сибиряк никогда не расстается. Быстрые, пронзительные, поблескивающие, почти звериные глаза незнакомца изучающе задержались на каждом из присутствующих. Немного погодя, он снял шапку, поздоровался и тихо спросил:

— Кто здесь хозяин?

— Я! — отозвался я.

— Можно ли переночевать? — спросил он.

— Пожалуйста, места хватит, — сказал я. — Пейте чай, еще горячий.

Незнакомец начал медленно снимать полушубок, не переставая изучать людей и предметы. Бросил полушубок в угол избы, прикрывая им карабин, и остался в поношенной кожаной куртке и штанах, всунутых в высокие валенки. Его

лицо было совершенно молодым, насмешливым и красивым. Поблескивали белые зубы и настороженные, пронзительные глаза. Всколоченная, сильно припорошенная сединой шевелюра и глубокие морщины вокруг губ свидетельствовали о бурной жизни.

Незнакомец уселся на лавке, подостлав полушубок, и с какой-то особенной заботливостью положил рядом с собой топор.

— Эта секира, как будто твоя жена? — пьяным голосом спросил его один из солдат.

Мужик медленно поднял на спрашивающего внезапно блеснувшие глаза, и своим тихим, каким-то вкрадчивым, голосом отвечал:

— Разные людишки блуждают нынче по тайге, потому с топором спокойнее...

Он умолк и начал жадно пить горячий чай. Однако я заметил, что он несколько раз осторожно приглядывался ко мне и глаза его непрерывно бегали по избе, как будто искали ответ на какие-то сомнения.

На вопросы солдат незнакомец отвечал осторожно и медленно. Затем поставил свою кружку вверх дном в знак удовлетворения, поднялся и произнес:

— Пойду на минуту к своему коню и ваших тоже расседлаю...

— Благодарю! — воскликнул более молодой солдат, уже почти засыпая — Не забудь только занести в избу наши карабины.

— Хорошо, — отозвался мужик.

Большевики улеглись на лавке, оставив для нас только пол, и уже не слышали, как вернулся незнакомец, который, бросив на пол войлочный арчак, тотчас улегся.

Солдаты и незнакомец уже давно спали, а я упорно планировал свои дальнейшие шаги. Заснул только перед самым утром, и когда проснулся, незнакомца в избе уже не было. Я вышел из избы и заметил его, седлающего доброго гнедого жеребца.

— Уезжаете? — Спросил я.

— Да, но я поеду вместе с этими... «товарищами», — шепнул он, — под вечер вернусь. Ждите меня!

Не стал расспрашивать его ни о чем, только сказал, что буду ожидать его. Он в это время отвязал от своего седла два тяжелых мешка, сбросил их у стены в сгоревшей части хаты, внимательно осмотрел узду и стремяна и произнес с усмешкой:

— Готово! Теперь пойду будить «товарищей».

Спустя час, напившись чаю, солдаты и новый знакомый уехали.

Я остался во дворе и занялся рубкой дров для своей печи. Внезапно откуда-то издали донесся до меня выстрел из карабина, немного погодя, еще один. Затем воцарилась тишина. Со стороны выстрелов, высоко над лесом, пролетела стайка вспугнутых тетеревов. Крикнула сойка с вершины высокой сосны. Я долго прислушивался, не приближается ли кто к моему убежищу, но вокруг было совершенно тихо.

Сумрак быстро опускается зимой на срединном Енисее. Я разжег огонь в печи и начал готовить суп из глухаря, не переставая вслушиваться в малейший шорох, долетающий из леса. Я отчетливо чувствовал и понимал, что смерть постоянно присутствует здесь, рядом со мною и в конце концов может появиться в виде человека, зверя, холода, несчастного случая или болезни. Хорошо знал, что вблизи нет никого, кто мог бы прийти мне на помощь, и что вся моя надежда только на Божие провидение, на силу рук и ног, на зоркость глаз и находчивость.

Несмотря на мою чуткость, я не заметил возвращения незнакомого охотника. Как и в предыдущий день, он появился неожиданно в избе. Сквозь туман пара я заметил его горящие, смеющиеся глаза и красивое лицо. Он бросил в сторону лавки три карабина.

— Два коня, два карабина, два седла, два мешка сахарей, полкирпича чаю, мешочек с сахаром, 50 патронов, два полушубка, две пары обуви, — со смехом перечислил сибиряк. — На самом деле, очень удачная была у меня сегодня охота!

Я с удивлением смотрел на своего гостя.

— Что-то не нравится? — Засмеялся он снова. — Выехали мы в лес по узкой тропе. Здесь я их и застрелил. Даже не дрогнули! Зачем кому-то такие «товарищи»... Однако

будем пить чай и спать! Завтра вы должны перебраться в новое жилье. Я вам покажу уединенное и подходящее место, а сам двинусь дальше...

Тайна моего гостя

На рассвете следующего дня мы выдвинулись в дорогу, бросив мое первое убежище. На одного из коней мы погрузили все наше имущество, сложенное в мешках, переброшенных через седло.

— Верст 400–500 должны сделать, — спокойно сказал мой новый товарищ, который называл себя совершенно ничего не говорящим сердцу и разуму именем Иван.

— Наверное, долго будем ехать! — Воскликнул я.

— Не дольше, чем неделю, а, может быть, и быстрее будем на месте, — ответил Иван.

Первую ночь провели мы в лесу под ветвями высокой раскидистой ели. Это была моя первая ночь без крыши над головой. И сколько же таких ночей позднее провел я в течение полутора лет моего бродяжничества!

День был очень холодный, наверное, не менее -35°C . Под копытами коней скрипел снег. Со звоном стекла падали вырванные подковами куски хрустящего снега. Лениво срывались с деревьев тетерева и глухари; не спеша бежали с лежек в кусты зайцы. Перед вечером поднялся ветер, гудел и шумел, сгибая верхушки деревьев. Однако внизу, в местах, закрытых от порывов ветра, было тихо.

Остановились мы в глубоком овраге, густо поросшем деревьями и кустами. Отыскали давно сломанную сухую пихту, нарубили дров и, приготовив на костре чай, подкрепились.

После ужина Иван приволок из леса два длинных сухих сосновых ствола, стесал их с одной стороны и плоскими поверхностями уложил один напротив другого. Вбив клин между стволов, вложил в отверстие немного горящих углей из костра. Огонь тотчас же начал быстро продвигаться вдоль канала между стволами.

— Теперь будет гореть аж до рассвета! — Воскликнул Иван. — Это наша сибирская нодья (таёжный долго горя-

щий, тлеющий костёр, сложенный из брёвен. — *Прим. пер.*). Мы — золотоискатели, скитаясь в течение зимы и лета в тайге, всегда спим у нодей. Прекрасно! Да и сами убедитесь.

Быстро нарубил он веток пихты и с помощью трех жердей соорудил наклоненную под углом стену, в нескольких шагах перед которой горела небольшим огнем, выгорая внутри, нодря. Над этой стеной и над нодрей простирался навес из широких ветвей могучей пихты. Уложили мы на снег ветки и, укрывшись войлочными терлицами с седел, начали засыпать. К моему великому удивлению, Иван разделся до рубахи и, как я заметил, даже вспотел и начал вытирать лоб и шею рукавом рубахи.

— Хорошо! Тепло! — Хвалил Иван наше убежище.

Вскоре и я был вынужден снять одежду и заснул, не накрываясь полушубком, хотя через ветви пихты и стены светили звезды, а передо мной было открытое пространство, где шалели мороз и вихрь, однако это пространство было отгорожено от нас теплом, идущим от горячей нодрь. Только перед рассветом, когда наш костер догорел почти до конца, прикрылся я полушубком. С этой ночи я больше не боялся морозов. Промерзнув в течение дневного перехода, я отлично отогревался около нодрь, сбросив с себя тяжелый полушубок и сидя только в рубахе с кружкой горячего чая с сухарями.

Во время совместного путешествия Иван рассказывал мне о своих давних скитаниях по горам и лесам Забайкалья в поисках золота. Рассказы вечного бродяги отличались большой живостью и захватывали обилием живописных и небезопасных происшествий и тяжелой борьбы с природой и людьми. Иван был одним их тех типов золотоискателей, которые по всему свету отыскивали самые богатые залежи золота, оставаясь бездомными и убогими бродягами. Я обратил внимание на то, что избегал он рассказов о том, каким образом с Забайкальских гор добрался он до Енисейской тайги, и я сразу понял, что тут-то, собственно, и кроется какая-то тайна моего товарища, следовательно, и не спрашивал его об этом.

Однако тайна однажды совершенно неожиданно стала явью, представ во всей своей суровой и страшной действительности.

Мы уже приближались к цели нашего путешествия.

В течение целого дня пробирались мы через густые заросли на берегу восточного притока Енисея — реки Маны. Всюду можно было заметить многочисленные тропы, вытопанные зайцами, имеющими логово в кустах. Эти белые зверьки мелькали всюду, убегая при нашем появлении. Порой мы видели рыжий хвост таящегося за камнями лиса, охотящегося на зайца.

— Расскажу вам, — произнес понурым голосом Иван. — Здесь недалеко впадает в Ману маленькая речка Негнечь; у ее устья стоит маленький домик. Как думаете: там заночуем или снова у костра проведем ночь?

— Поедем до этого домика! — воскликнул я с радостью. — Нужно наконец помыться. Ведь мы стали черными как негры от дыма нодьи! В любом случае иметь крышу над головой — вещь очень приятная!

Иван мрачно взглянул на меня, но согласился.

Сумрак сходил на землю, когда мы приблизились к небольшой лачуге, стоящей у устья небольшой речки Негнечь, впадающей в быструю и холодную Ману. В домике была одна маленькая комнатка с двумя оконцами и большой печью. Рядом с домиком был сгоревший сарай и разрушенный ледник. Бревна и доски были вырваны и разбросаны в беспорядке; всюду можно было заметить груды раскопанной земли и камней.

Разожгли печь и начали готовить еду. Во время ужина Иван выпил спирта из фляжки, «одолженной» у одного из убитых им красноармейцев, и быстро стал очень разговорчивым.

С ярко горящими глазами и поблескивающими зубами, взъерошив свою густую седую шевелюру, Иван начал мне рассказывать о каком-то случае в Забайкалье, но неожиданно умолк, с ужасом уткнул взгляд в темный угол избы и спросил шепотом:

— Что это? Крыса?

— Ничего не видно, — ответил я ему.

Он умолк и мрачно опустил свою красивую хищную голову. Так как порой в молчании мы проводили долгие часы, я вообще не удивился, что Иван не отзывается. Но он внезапно наклонился и горящим шепотом начал говорить.

— Хочу вам рассказать одну историю! Был у меня в Забайкалье сердечный приятель. Был он ссыльным по уголовному делу. Звали его Гавронский. Много я с ним вместе лесов и гор обошел в поисках золота. Был у нас уговор, что все делим между собой на равные части. Но Гавронский внезапно исчез, и только спустя несколько лет я узнал, что находится он в Енисейской тайге, что нашел он там богатые залежи золотого песка, разбогател, хотя и жил в лесу уединенно, только с женой. Позже узнал я, что Гавронского убили...

Иван снова умолк, но вскоре с тяжелым вздохом продолжил дальше:

— Это, собственно, дом Гавронских. Здесь жил мой вероломный приятель с женой и где-то здесь, в русле этой речушки, «вымывал» золото из песка и гравия, но никому этого места не показывал. Все окрестные мужики знали, что Гавронский обладает капиталом в банке и что постоянно продает золото властям. Здесь... в этой избе... были убиты Гавронские...

Мой напарник встал, вытянул из печи большой кусок горящего дерева и, наклонившись, начал освещать толстые, едва отесанные, доски пола.

— Видите эти пятна на досках? И здесь, на стене? — Спросил он дрожащим от волнения голосом. — Видите? Это кровь Гавронских... Умерли, но не выдали своей тайны. А золото было в шахте и в леднике, закопано в землю в больших глиняных горшках.

Но ничего не сказали Гавронские, ничего, а ведь пытали их, прижигали огнем, выкручивали пальцы, глаза выковыривали... А они молча умерли.

Он бросил горящую деревяшку в красное отверстие печи, упал навзничь на лавку и сдавленным голосом проормотал:

— Это рассказали мне мужики из тех мест... Однако... время уже спать!

Позже, ночью, слышал я тяжелые вздохи Ивана, тихий шепот и неразборчивые слова. По-видимому, крутился он на твердой лавке и курил трубку за трубкой.

На седьмой день въехали мы в густой кедровый бор, растущий на склонах горного хребта.

— Отсюда, — объяснил Иван, — до ближайшего человеческого поселения 80 верст через болота и густую тайгу. Изредка только забредает сюда какой-нибудь сборщик кедровых орехов, да и то только осенью. До этого времени не встретите здесь живой души. Здесь зверя много, птицы много, орехов много; здесь легко можно продержаться зимой. Видите эту речку? Если захотите повидаться с людьми, идите по ее течению, она вас приведет в деревню...

Мой таинственный товарищ помог мне устроить землянку. Отыскал для меня поваленный бурей гигантский кедр. Корни дерева вырвали землю, создав глубокую и обширную яму. Одну стену и крышу образовывал ствол кедра, а боковые стены — переплетенная сетка корней. Заплели мы их ветками, укрепили камнями и присыпали толстым слоем снега. Спереди мой «дом» был совершенно открыт, но перед ним горела спасительная нодья. В этой норе прожил я два очень суровых зимних месяца, без людей, без связи с целым светом, где в это время происходили важные события. В этой могиле, под корнями сваленного дерева, в девственном лесу, жил я перед лицом природы со своей тревогой о близких мне людях, жил со своей мукой, жил в постоянной борьбе за существование, за право прожить еще день...

Иван уехал на следующее утро, оставив мне мешок с сухарями и несколько кусочков сахара. Больше я уже никогда не встретил этого человека. Оставил он после себя самые лучшие и теплые воспоминания. Получил я от этого «убийцы и палача Гавронских» много доказательств большой доброты, понимания чужой души и необычайной чуткости.

Борьба за жизнь

Я остался в полном одиночестве...

Вокруг был только лес зеленых кедров, засыпанных до половины ствола глубоким снегом, голые кусты, замерзшая речка и, куда не взглянешь через ветви кедров, океан лесов и снега. Сибирская тайга...

Как долго я буду вынужден жить в одиночестве? Найдут ли меня здесь большевики или нет? Получат ли мои приятели известие о моем местонахождении?

Эти вопросы, как горячие огни, без перерыва, без передышки мучали меня. Очень скоро я понял, почему Иван завел меня так далеко. Всюду по дороге мы встречали много глухих, безлюдных местностей, но он вел меня дальше и дальше, повторяя:

— Я вас веду до хорошего места, где жить будет легче!

И так было на самом деле. Красота этой местности заключалась в кедровом лесу и в горе, поросшей кедрами. Кедр — прекрасное, могучее, широко разветвленное дерево, вечнозеленый шатер, притягивающий к себе все, что живет. В лесу постоянно кипела жизнь.

Среди ветвей скакали белки, проделывая забавные прыжки; перелетали воздушные эскадры снегирей и щеглов, которые свистели, заглядывали во все щели и углы леса, наполняя его движением и живым гомоном; мелькал заяц, а за ним, едва заметной тенью на снегу, стелился тонкий, как змея, горностаи с черным концом хищно дрожащего хвостика; порой подходил благородный олень — марал, или изюбр. Наконец, спустился с гор и нанес свой визит бурый владыка тайги — медведь. Все это разрывало, отгоняло охватывающие мозг мрачные мысли, свидетельствовало о жизни и добавляло надежды. Хорошо, хотя и очень тяжело было порой, подняться на вершину «моей» горы. Возвышалась она высоко над лесом, и с ее вершины открывалась широкая, безграничная панорама тайги с цепью красных гор на горизонте. Там далеко был берег Енисея, там были людские поселения, там были враги и друзья, там... далеко на западе, была та, к которой много лет летели мои мысли...

Поэтому, собственно, привел меня Иван в кедровый бор. Сам он, порой, проводил зиму в одиночестве, только со своими мыслями, наедине с природой, «перед обликом Бога». Испытывал он отчаяние одиночества и искал успокоения. Много раз думал я над тем, что если суждено мне умереть здесь, то, умирая, последним усилием поднимусь на вершину и умру, глядя в ту сторону бесконечных гор и лесов,

за которыми находится самое дорогое для меня существо, оторванное от меня судьбой.

Жизнь в таких условиях давала много материала для мыслей, а еще более — для физической работы, потому что была она непрерывной борьбой за существование, борьбой тяжелой и жестокой.

Самой тяжелой работой была заготовка запаса топлива для но́ды и небольшого костра для приготовления пищи. Лежащие деревья были завалены снегом, примерзли к земле и камням. Я должен был отгрести снег, а затем с помощью длинных жердей (рычагов) отрывать стволы от земли и передвигать к своей «норе». Для сбора деревьев я выбрал себе крутой склон горы. Туда было трудней подняться, но зато легче скатывать оторванные стволы в сторону моего убежища. Спустя несколько дней сделал я очень важное открытие. Отыскал недалеко от своей землянки большое количество лиственничных стволов, поломанных бурей. Когда начал их рубить, топор погружался во что-то мягкое и вязкое. Оказалось, что стволы были пропитаны смолой. Достаточно было искры, чтобы такая щепка запылала сильно дымящимся пламенем. С того момента в моем жилье всегда были запасы этих смоляных щепок лиственницы для розжига но́ды или костра для приготовления пищи и чая.

Большую часть дня поглощала охота. Очень быстро понял я, что должен заниматься этим делом ежедневно, чтобы противиться тяготившим меня невеселым мыслям. Обычно после утреннего чая шел я с ружьем в лес искать тетеревов и глухарей. Убив одну-две птицы, возвращался я домой и начинал готовить себе обед, не отличавшийся большим разнообразием блюд. Был это неизменный суп из убитой птицы, приправленный сухарями, а затем бесчисленное количество больших кружек горячего чая, необходимого напитка для лесной жизни.

Однажды во время одной охотничьей прогулки я услышал треск в кустах и, внимательно изучив местность, заметил концы оленьих рогов. Я пополз в ту сторону. Хотя снег почти не скрипел под моими коленями, зверь услышал или учуял опасность. С шумом вырвался он из густых зарослей, и я смог разглядеть его только тогда, когда, пробежав

около трехсот шагов, он остановился на крутом склоне горы. Это был великолепный экземпляр с темно-серой шерстью и почти черным хребтом. На красивой голове нес он могучие рога. Передо мной был куст с толстыми ветвями; положив карабин на одну из таких ветвей, я старательно прицелился и выстрелил. Зверь совершил широкий прыжок, пробежал несколько шагов и упал. Через глубокий снег и кусты я побежал к нему, но олень, заметив меня, поднялся и, делая частые прыжки, однако с трудом перебирая ногами, начал взбираться на гору. Моя вторая пуля остановила его навсегда. Таким образом я добыл большое количество мяса и отличный ковер для своей норы.

Рога я закрепил среди корней, составляющих стену моего приюта, и с тех пор они служили удобной вешалкой для карабина и одежды.

Никак не могу забыть одну захватывающую, хотя и дикую, картину, которую я видел в нескольких километрах от моего «дома». Там было небольшое болото, поросшее клюквой. Сюда обычно слетались на ягоды стайки глухарей, тетеревов и рябчиков. Однажды подкрадывался я к этому болоту, скрываясь за невысокими зарослями молодых кедров. Большая стая тетеревов энергично разгребала снег и лакомилась ягодами. Несколько минут я наблюдал эту сцену, не выдавая свое присутствие никаким движением или шорохом. Однако один из тетеревов, старый черный петух, внезапно и неожиданно подскочил вверх и вспорхнул, громко хлопая крыльями. Испуганная стая тотчас взлетела. К моему удивлению старый петух, пролетев несколько сотен шагов, начал быстро, почти вертикально, подниматься вверх. Немного погодя, сделав несколько кувырков в воздухе, и бессильно ударяя крыльями, упал он на снег и остался неподвижным. Я побежал в его сторону, и тогда от тела тетерева отскочил кровожадный горностай, который, размахивая хвостиком и шипя, скрылся меж камней. У тетерева было перегрызено горло. Я понял, что маленький хищник бросился на птицу, вместе с ней поднялся в воздух, где сумел перегрызть ей горло и высосать кровь. Маленький аэронавт сэкономил мне патрон!

Так я жил, борясь с природой за день завтрашний, все более отравляя себя ядом тяжелых и безнадежных мыслей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru